

Алишер Навои

СОКРОВИЩНИЦА МЫСЛЕЙ (Хазоинул-маъоний)

Газели

- ЧУДЕСА ДЕТСТВА -

Чаша, солнце отражая, правый путь явила мне.
И раздался голос чаши: «Друг твой отражен в вине».

В чаше сердца — образ друга, но и ржавчина тоски,
Лей щедрее влагу в чашу, исцелюсь тогда вполне.

Если есть такая чаша, то цена ей сто миров.
Жизней тысячу отдам я, с ней побыв наедине.

С тем вином — Джамшида чашей станет черепок простой,
И Джамшидом — жалкий нищий, жизнь нашедший в том вине.

Мальчик-маг, когда пируют люди знания в кабачке,
Чашу первую ты должен поднести безумцу, мне.

И едва лишь улыбнется в чаше сердца милый лик,
Все, не связанное с милой, вмиг потонет там на дне.

Обрету я миг свиданья перед чашею с вином,—
Кто сказал «вино» и «чаша», видит встречу в глубине.

Только есть другая чаша, и другое есть вино,
Что там ни тверди, отшельник, возражая в тишине.

Навои, забудь о жажде. Кравчий вечности сказал:
«Чаша — жажде утоленье, мудрость пей в ее огне!»

(перевод Вс. Рождественского)

* * *

В разлуке с любимой ты стала руиной, о крепость моя;
Как в ранах недугов, страданьями тмима — ты суть бытия.

Да! Солнце и месяц мой взгляд прояснили и тайну открыли!
И в солнечном лике сияет живая мне сущность твоя.

Окно за окном закрываются ставни от стрел смертоносных.
Где ж вылетит птица надежды и жизни в иные края?

Умру я, сгорая,— пусть плачет, пылая, свеча надо мною,
Под копотью черной янтарного воска потоки лия!

Узнав, что я гибну, враг станет мне другом... что пользы мне в этом?
Коль друг в это время явился мне лютым врагом, как змея?

Как сумрак ненастья, одежды печали рассвет омрачили,
И утро восходит не в царственных ризах, а в клочьях рваньи.

Любовь — это гибель, но ты, Навои, не отступишь пред нею —
Пред бездною той, где дрожат лицемеры, смятенье тая.

(перевод В. Державина)

* * *

Этот град опостылел в разлуке с луной для меня.
Розы нет, и цветник стал унылой тюрьмой для меня.

О друзья! Вы пируете, в радости пьете вино,
Но лишь горечь и кровь в пиале пировой для меня.

Разум, вера, терпенье покинули тело мое,
Только мука осталась подругой одной для меня.

Этой мукою грудь пронзена, словно тюркской стрелой,
Пусть от новой стрелы она будет броней для меня.

Я в позоре влачусь, я так жалок, что плачут одни,
А другие смеются, взглянувши порой на меня.

Как вода, моя печень ослабла; и в этой воде
Муки смертные чудятся рыбьей игрой для меня.

Мне твердят: «Навои! Позабудь иль расстанься с душой!»
Но забвения нет, есть лишь выход второй для меня.

(перевод В. Державина)

* * *

В гневе ты — любой поступок мой мученье для тебя.
Ты добра — мой грех стократный упоенье для тебя.

Ты со мною то скучлива, то внезапно весела.
Как привыкнуть к переменам настроенья у тебя!

Доброта твоя сражает и убийственен твой гнев,
Своему дивлюсь терпенью в раздраженье на тебя.

Сердце, так тебе и надо: полюбило — и терпи,
Будь хоть каждое мгновенье огорченьем для тебя!

Роза, зная пылких вздохов опасайся, но поток
Слез из глаз моих — спасенье, наслажденье для тебя.

Солнце, не сожги влюбленных: знай, от их горячих лиц
Прибавляется свеченье, жар и жженье у тебя.

С солнцем не ищи сравненья. Ты — пылинка, Навои,
Но его пренебреженье — оскорбленье для тебя.

(перевод Г. Ярославцева)

* * *

Коль пользы от людей все нет, пусть и вреда не будет;
Нет пластыря для ран — шипов пусть никогда не будет.

Пусть чаша красного вина не каждому дается,
Но пусть и кровь из многих чаш течь, как вода, не будет.

Когда надежды нет на жизнь вблизи луноподобной,
Пусть с ней разлука смерти мне сулить тогда не будет.

Когда, с любимой разлучась, ты потеряешь память,
Неважно, если о тебе мир навсегда забудет.

О кравчий! Пьяным напоив, что делать мне прикажешь,
Коль от рассудка моего вдруг и следа не будет?

Вдруг сердце пьяное мое властителя восславит,
А сердцу над самим собой в тот час суда не будет?

Вздохнешь — у пери, Навои, прическу вздох погубит.
Конечно, это не беда. Ну, а стыда не будет?

(перевод Г. Ярославцева)

* * *

С холодным вздохом почему спускается по склону утро?
Быть может, ранено, как я, любовью затаенной утро?

А если страстью не горит, подобно мне, так почему же
Свои одежды, как Меджнун, порвало исступленно утро?

Но говори что облака — крапленный киноварью хлопок;
Быть может, кровь свою, как я, из раны льет бездонной утро.

Но вихром солнечных лучей моих очей прорезан сумрак.
То расцарапало лицо зубцом звезды спаленной утро.

Полнеба охватил в ту ночь пожар от искр моих стенок,
Вращающийся небосвод назвал его влюбленно — утро.

Встань, виночерпий, подними, ликуя, утреннюю чашу!
Когда уйдем, взойдет не раз из пьяного притона утро,

О Навои, захочешь ты — и сад исполнится напевов.
Как роза, никнет ночь. Поет, как соловей бессонный, утро.

(перевод Т. Спендиаровой)

* * *

Весна без тебя — палача жгут, смертные муки, ад!
В нем красные розы меня жгут, белые — леденят.

Весна без тебя для меня — ад, ад ночи и ад дня.
Но в том раю, где ты без меня, — нет ни льда, ни огня.

Если захочешь меня найти, стать под моим окном,
По лицу моему иди, по бороздам слез на нем.

Как в сладких плодах горькая кость не удивит меня.
Так в сладких устах твоих слов злость не удивит меня.

Не лги про меня, что там в аду гол и бос Навои.
Я одет, обут в печаль и беду — в подарки твои.

Не боюсь лжи и угроз, хотя вижу над головой,
Как секиру в небе занес юный месяц — гонец твой!

(перевод К. Симонова)

* * *

Пользы мира ты не жаждай, ибо в нем лишь вред,— не больше.
Жизнью пользуйся — на время входим в этот свет,— не больше.

Странно, что жильё воздвигший приглашает смертных в гости,
Ведь и сам он в этом доме — гость недолгих лет,— не больше.

Не считай себя могучим, смертен ты — ведь слон громадный
Перед комариным жалом — лишь отваги след,— не больше.

В брэнную войди обитель — шейх там наторел в торговле!
Пусть зовется ханакою — это лавка бед,— не больше.

Тот, кто в платье златотканом,— пусть кичится неразумно:
Знает мыслящий, что в золото жалкий шут одет,— не больше.

На престол воссев небесный, все равно не будь беспечен,—
В небе ласки ты не встретишь, встретишь лишь рассвет,— не больше.

Повелитель справедливый должен думать о народе,
Ведь блюсти пасомых благо пастырь дал обет,— не больше.

Если нынче стал скитальцем Навои по доброй воле,
Не горюй, благоразумный,— глянь безумцу вслед,— не больше!

(перевод А. Голембы)

* * *

Чудесно быть вдвоем, вина с красавицей испив,
Мне та подруга не нужна, чей облик не красив.

Родник живейшей чистоты, столь дивный, мог создать
Лишь сам вершитель красоты, тебя на свет явив.

И жалобы на муки - грех страдающих в любви:
Закон любви не терпит тех, кто слаб и боязлив.

С твоей стези подножный прах - всем ангелам венец, -
Кто был на свете, о Аллах, красой столь горделив!

Так слаб я, что не может грудь и вздоха совершить:
Я не посмею и вздохнуть, себя не погубив.

И я, хоть от невзгод и пьян, в вине не утону:
Ведь тонок мой согбенный стан, как волоса извив.

О Навои, ты хоть и худ, а строй стихов не плох:
Все, кто захочет, в них найдут и рифму и редиф.

(перевод С. Иванова)

* * *

Весна мне - преисподний ад, когда ты не со мной:
Цвет красных роз огнем объят, цвет белых - ледяной.

С тобою врозь весна - что ад, и станет адом рай:
Ведь без тебя и райский сад не расцветет весной.

Твой лик мне видится стократ и застилает взор,
И слезы облакают взгляд сплошною пеленой.

Мне из твоих медвяных уст горька любая речь:
Хоть сладок плод, а горький вкус в нем чувствует больнои.

И сердце просит забытья у сил небытия:
Жестокой дланью бытия гнетет мой путь земной.

Не говори, что наг-раздет несчастный Навои:
И в холод одеянья бед его хранят и в зной.

Несет нам вести небосклон, что шах уж на коне,
Секирою вооружен - недельною луной.

(перевод С. Иванова)

* * *

Каждый раз, как луноликой плыть в ладье придет череда,
Сердце в горести великой, как река, бурлит тогда.

Очи, что ж рыдать в печали, - где пристать теперь ладье,
О каком мечтать причале? Всюду ваших слез вода!

А едва валы заплещут, ветром вздыбленные вдруг,
Сердце, словно ртуть, трепещет, жизнь уходит без следа.

Стихни, сердце, ты - в любимой, а любимая - в ладье,
Очи и душа незримо плачут: ты плывешь куда?

Еле жив я, силы слабы, смертью перехвачен вздох,
Чуть дышу - не уплыла бы, не случилась бы беда!

Брось, оставь сей мир двуличный, в мире сделок пользы нет:
Цены серебра различны, жизнь всегда в цене тверда.

Как ладья несчастий канет в глубь морей небытия,
Пить ладью вина настанет, Навои, твоя чреда.

(перевод С. Иванова)

* * *

О, мне бы сто путей пройти во мгле пустынь небытия,
Пока забвенью обрести от свар людских не смог бы я!

Отдам я золото жизни всей на торжище мирской тщеты,
Лишь бы торгашеских затей не ведала душа моя.

В глуши бы мне покой найти, да только путь туда длинней
Тысячелетнего пути на небо - в горние края.

Ста тысяч сребротелых дев соблазн лукавый позабудь:
Мирской искус их не презрев, вовек не вкусишь забытья.

Все кости в плоть мою впились и лютой смерти мне грозят:
От них возможно ли спастись, когда столь злы их острия!

Что пользы от кровавых слез, омывших мой шафранный лик?
Жестоки жала красных роз в саду мирского бытия.

Чтобы смести с земли весь люд, потоки слез моих бурлят -
Долиною любви текут, ручьи во все концы струя.

Взгляни, что стало от невзгод с завесою души моей:
Клеймит огнем жестокий гнет остатки ветхого тряпья.

Не прозябай в саду мирском, сбрось его путы, Навои:
Не лучше ль взвиться соловьем, чем жить в гнездовьях воронья!

(перевод С. Иванова)

* * *

"Брось пить вино!" - мне что ни год советчики твердят,
Но льет рука, а пьет-то рот, а я в чем виноват?

Не своевольной силой я, поверь, к вину влеком:
Порукой в том - спина моя, я в немощи горбат.

Меня святоша-пустослов корит за страсть к вину, -
Он не сказал таких бы слов, будь он не глуповат!

Пусть, виночерпий, твой фиал, как факел, светит мне:
Среди святош я заплутал, кромешной тьмой объят.

И от ханжей в притон хмельной ты освети мне путь:
Мне их притворства мрак ночной погибелью чреват.

Паду я головой во прах к порогу погребка, -
Богач и бедный, раб и шах - все в тот притон спешат.

В заветном имени тайком суть ищет Навои:
Кто этим именем влеком - благословен стократ.

(перевод С. Иванова)

* * *

Огнем страданий освещен наш обветшалый дом,
Как будто бы дохнул дракон в проломанный проем.

Для птицы вожделенных встреч опасны зерна слез:
Зерном несчастий не завлечь того, кто ввысь влеком.

Сияньем свет красы облек убогий наш приют,
И в нем горим мы - мотылек вослед за мотыльком.

Как сердце, страстью смятено, осмеивало ум!
Безумное, сожглось оно, играючи с огнем.

Исчезли сон мой и покой от рассказней людских,
А счастье от молвы людской спит непробудным сном.

Меня ты, кравчий молодой, не губишь, а бодришь
Как будто ты живой водой поишь, а не вином.

Стократ наставнику хвала стези небытия,
Сиянию его чела хвалу мы воздаем.

Свое узрел я сердце вдруг среди любящих сердец,
Но ты не вышла к ним, мой друг, их ждал дурной прием.

(перевод С. Иванова)

* * *

Дары мирской тщеты оставь, утрата их - пустяк, не боле,
Цени за благо жизни явь - дар мимолетных благ, не боле.

Жилье построив, звать гостей хозяину - чудное дело:
Он сам ведь гость лишь на пять дней, этот чудной чудак, не боле.

Кичиться силой - похвальба, ничтожная пред жалом смерти,
Она, как жала мух, слаба, и мощь ее никак не боле.

Вступи в чертог небытия: пусть шейхи ханакой кичатся,
Как торг у скупщиков старья торговля этих скряг, не боле.

Наряд твой золотом расшит, но он не лучше желтой бязи,
Для умного смешон твой вид - потешной спеси знак, не боле.

Пусть солнцем твой венец цветет, а трон твой - словно небо ведай:
Пойдет и солнце на заход, а в небе станет мрак, не боле.

Прекрасно, если властелин внимает помыслам подвластных:
Ведь стаду пастырь - он один, в отаре он - вожак, не боле.

Да быть всегда Балькис женой в дворце высот благоправленья,
Сатурн при ней - лишь страж ночной, хранящий дом-очаг, не боле.

(перевод С. Иванова)

* * *

Когда творил творец сей мир и мир грядущий,
В тебе дал образец он всей природе сущей.

Людей весь сущий род вслед за тобой он создал:
Пылинкам свет дает жар солнца, их влекущий.

Твой свет вовек не влек нетопыря бездумья:
Ведь он не мотылек, летящий к свечке жгущей.

Бог волею своей дал тебе лик, что солнце.
Дал месяцы бровей - дар, все сердца гнетущий.

Твой гнев в любви моей мой ум крушит безумьем,
Как гнев толпы детей, камнями птицу бьющей.

В кого тобою был заронен уголь страсти,
Тому не скрыть свой пыл - жар, долго дым дающий.

Ты средь кривых дорог, куда тебя влек разум,

Ум на стезе сберег, к небытию ведущей.

Перед владыкой сил весь небосвод бескрайний
С росинку мака хил, в ничтожности живущий.

Стал прахом Навои там, где ты ходишь к дому, -
Смешают псы твои его с дорожной гущей.

(перевод С. Иванова)

- РЕДКОСТИ ЮНОСТИ -

Лик твой, зеркалом сверкая, в мир бросает сто лучей.
Даже солнца свет слепящий превзойден красотой твоей.

В жажде жизни дышит солнце ветром улицы твоей —
Ведь в дыхании мессии излечение всех скорбей.

Из предельного рождаясь, входит в вечность бытие,
И начала нет у жизни, и конца не видно ей.

Образ твой — свеча и роза, с мотыльком и соловьем:
Мотылька свеча сжигает, розой ранен соловей.

Есть в Лейли, в Ширин твой облик: без Ширин погиб Фархад,
Потерял Меджнун рассудок от любви к Лейли своей.

В этих именах явила ты любовь и красоту,
Стала ты хирманом муки и грозой для страстей.

Только тот тебя достоин, кто пройдет пустыню «я»,
Ибо — кто взыскует жизни, смысл найти обязан в ней.

Говорить о нуждах сердца моего мне нужды нет,—
Что в стране сердец таится, мыслью видишь ты своей.

Ливнем милости пролейся в сад засохший Навои:
Роза в нем не распустилась и не свищет соловей.

(перевод Вс. Рождественского)

* * *

Твоей неверностью, увы, терзаюсь постоянно,
Верна другому ты,— увы, терзаюсь постоянно.

Кому-то верности обет, а мне одни мученья.
Я не желаю знать других. О, будь же постоянна!

Ты казнь пообещала мне, но я окреп внезапно,
Целительней твои слова иных стихов Корана.

То — солнце ль твоего лица, а это — тень от стана,
Волос ли, павших до земли, струя благоуханна?

И утонченный бы не смог понять твои реченья:
Остроты, колкости и смех звучат весьма туманно.

Дела мирские — ночи тьма, вино — источник света.
Слей, кравчий, муть и напои из чистого стакана.

Отнимет душу, Навои, любимая — не сетуй,
Благодари за то, что ей одна душа желанна.

(перевод Г. Ярославцева)

* * *

Двух резвых своих газелей, которые нежно спят,
Ты сон развей поскорее, пусти их резвиться в сад.

Ты держишь зубами косы, пусти их и растрепли,—
Пускай разнесут по миру души твоей аромат.

Приди в мой дом утомленной, с растрепанною косой,—
Покорны тебе все звезды, народы у ног лежат.

Открой ланиты, как солнце! Меня заставляла ты
Лить слезы в разлуке — пусть же при встрече они горят!

Желанное обретая, от вздохов я пеплом стал,
Учи, как любить,— внимают тебе Меджнун и Фархад.

Когда сто лет под скалою напрасно ты пролежал,
На синем атласе тело ты вытянуть будешь рад.

Увидев, как горько плачет за чашею Навои,
Подлей ему, виночерпий, забвенья сладчайший яд!

(перевод Вс. Рождественского)

* * *

Осрамился я — но пьяный сок земной тому причиной.
Пью вино, но несравненной стан прямой тому причиной.

Если друга мучит пери, не она, а он виновен.
Коль в шального камень кинут, сам шальной тому причиной.

Если кто от скорби сохнет, небо в том не виновато,
Но, что скорбь в скорбящем чует, дух родной тому причиной.

Я ношусь бездомным вихрем по земле, но то не диво,—
Значит, сам пылю я небо, ропот мой тому причиной.

Про луну лепечет глупый, привораживая пери,—
Люди верят в заклинанья: ум пустой тому причиной.

Жизнь дарующий убийца! Я умру, в том нет позора.
Если смерть милей мне жизни, холод твой тому причиной.

Хоть тебя я проклиная, льешь ты кровь мою жестоко,
Проклинающий отступник сам собой тому причиной.

Навои, вина не пьешь ты, ждет напрасно виночерпий,—
Образ грозный, голос нежный — роковой тому причиной.

(перевод С. Шервинского)

* * *

Как меня б ты ни терзала — буду молча я терпеть.
Как бы клятв ни нарушала — буду молча я терпеть.

Обещала ты мне муку, людям — верность. Их оставь,
Дай мне то, что обещала,— буду молча я терпеть.

Слово милой — стих Корана, хочешь ты меня казнить,
Но душа отважней стала — буду молча я терпеть.

Волосы твои душисты, солнце лика твоего
Тень твою мне начертало — буду молча я терпеть.

Что твоя усмешка значит? Как ее мне понимать?
Ты на что мне намекала? Буду молча я терпеть.

Навои, в руках любимой сердце верное твое —
И оно возликовало: «Буду молча я терпеть!»

(перевод Н. Ушакова)

* * *

Оттого, когда я в горе, ты не раскрываешь рта,
Что от сладости безмерной склеились твои уста.

Услыхав упрек, печально, гордо покраснеешь ты,
Будто я разбил случайно гладь кристальную пруда.

Я прижат горою горя, прошептала ты: «Фархад!»
Сладкая! — таким прозванием славилась Ширин всегда.

Бросилась твоя собака на меня, но обожглась
Иль, услышав запах тленья, испугалась неспроста.

И в Меджнуна и Фархада может превратить любовь,
Если дочери Востока нас коснется красота.

Жаждающий! Любовь в разлуке не пытайся обмануть:
Если рядом нет желанной, то желание — тщета.

Навои, в гареме шахском пышным почестям не верь,
Знай свои права, приличья не теряя никогда.

(перевод А. Кронгауза)

* * *

Весной страшна разлука. О, кравчий, выпить надо,
Чтоб бушевать, как туча, не вытрясая града.

Глаза, не встретясь с нею, весенних туч мрачнее.
О молния свиданья, твой блеск — глазам услада.

Ты — белизна жасмина, а я — красней тюльпана.
Ты — молоко, я — рана, рок дал нам два наряда.

Две полных чаши, кравчий, поставь передо мною:
В разлуке с ней — в плену я душевного разлада.

Тебя целуя в губы, умру за это, кравчий.
Одну губу подставь мне, коли мала награда.

Вино — мое забвенье. Лишь о любимой помню,
Но будет мной забыто все человечесье стадо.

Кипчак, огар — для бека; кият, билгут — для шаха;

Красивая цыганка — для Навои отрада.

(перевод Г. Ярославцева)

* * *

Двух зубов мне не хватает, но какая это щель!
Жизнь из щели выползает, смерть вползает в эту щель.

Щели все заделать можно, щели можно заложить.
Кто же эту щель заложит? — не простая это щель.

Как бы ни был осторожен, как бы ни берегся ты,—
Даже краткое мгновенье расширяет эту щель.

Нет, не только дверью смерти представляется она —
Множество земных печатей проникает в эту щель.

От зубов сто притеснений — вот мой тягостный удел.
Зубы возраст отмечают, дни считает эта щель.

Ближе, ближе срок предельный, грань небытия видней.
Не одни редеют зубы, и глаза — пустая щель.

И все выше поднимаясь, скорби и печали дым
Застилает их и мраком наполняет эту щель.

Неустанно, неуклонно сквозь глазницы, меж зубов
Старость с сотнею недугов посещает эту щель.

Навои, к пути готовься — это твой последний путь.
Близкой смерти посещение означает эта щель.

(перевод Н. Ушакова)

* * *

Огнем объаты небеса, тот факел — не зарница,
А пламя ясных глаз твоих — с ним солнцу не сравниться.

И как сгорает без следа от молнии солома,
Любовью я испепелен, душа моя дымится.

Не троньте ран в груди моей рукой неосторожной —
Простою ниткой сердце шить не лучше ли не тщиться?

Подпругой привяжи к коню, не удержусь в седле я,

Могу лишиться головы, так голова кружится.

А если вызову я гнев и меч вдруг обнажится.
Пускай останется со мной прекрасный тот убийца.

Омойте тело мне вином, меня лозой увейте,
Коль сердце в винном погребке вдруг перестанет биться.

Не говори, чтоб Навои от милой отказался,—
Какая ж это чистота — от чистой отступиться?

(перевод Е. Аксельрод)

* * *

Недруги меня чернят. Кто подскажет: как мне быть?
Пери, я не виноват. Кто подскажет: как мне быть?

Обижаемый людьми, их обидчиком слыву,
Все в стране меня бранят. Кто подскажет: как мне быть?

Пери — наилучший врач. У меня любимой нет,
Смерти избегу навряд. Кто подскажет: как мне быть?

Слезы горькие мои о печали весть дают,
О позоре говорят. Кто подскажет: как мне быть?

Я народу нес добро, а народ со мной жесток.
Милостью господь богат — пусть он скажет: как мне быть?

Навои, покину я родину — в родном краю
Ничему уже не рад. Кто подскажет: как мне быть?

(перевод Н. Ушакова)

* * *

Во сне глаза из-за любви слез затянула пелена,
Разлуки каждая слеза уже кровава и красна.

Куда б ты, ревностью горя, ни слала стрел из-под ресниц,
Покрыли тело мне шипы, а не волос густых волна.

Хотел бы чистой сделать я страницу сердца своего,
Ее, как зеркало, поставь, пускай глядит в него она.

Чтоб ноги всадницы моей поцеловать, давно хотят

Стать парой кованных стремян и это солнце, и луна.

В смятении душа моя, увидев взлет бровей твоих,
Лишь встанет месяц молодой, уже безумцу не до сна.

В сад мира много входит гроз, и понимаю я давно,
Что смеха менее, чем слез, во все бывает времена.

О Навои, ты говоришь: тот стан из сердца изгони!
Но, чтобы вырос кипарис, нужны ль иные семена?

(перевод Вс. Рождественского)

* * *

Я хочу, чтоб был счастливым и богатым мой народ.
Не вино мне достается, кровь из ран моих течет.

Кто лишь удовольствий хочет, тот не стоит ничего —
Он в зависимость к другому непременно попадет.

Лучше гордым и способным выпить самый горький яд,
Чем из пиалы безволя пить хотя и сладкий мед.

Разве лучше сто красавиц? Разве краше их цветник?
Счастлив тот, кто с милой вместе в бедном шалаше живет.

Сердцем ты не предавайся упоительным пирам.
Привыкай к ночам страданья в хижине своих забот.

Птице хорошо на воле, радуясь, поет она.
Птица в клетке золоченой зерен рабства не клюет.

Лучше щедрым быть и телом собственным кормить собак,
Чем, от скупости жирея, жить, не ведая хлопот.

По дороге к высшей цели ты не мчался на коне.
Вместе с нищим-горемыкой нищета его умрет.

Навои, печальна старость для несчастного того,
Кто в дни юности беспечной жизнь порочную ведет.

(перевод Н. Ушакова)

* * *

Чуть раскрывшись, к ночи вянут розы в цветнике мирском,

Дни блаженством нам не станут без вина в саду таком.

Нет ни верности, ни чести, кравчий, в поступи времен,
Верен нам, не кличь всех вместе пить в толчении людском.

В мире только беды сулят людям милость обрести,
А покоя ждешь - да будет путь к нему тобой иском!

Хоть хмелен я в полной мере, старец в погреб дверь закрыл, -
Смилуйся, открой мне двери, о слывающий добряком!

Не посмей в делах неправых крови возжелать людской.
Но веселье чаш кровавых любо нам вкусить глотком.

Пусть, о шейх, крушит порухой твердь небесная врагов,
Но да буду с той старухой я вовеки незнаком!

Навои, познай и ведай: хочешь берега достичь -
Ты ладью вина отведай, будь в ней кормчим-вожаком!

(перевод С. Иванова)

* * *

Среди людей я никогда собрата отыскать не мог,
Кому была бы не чужда лихая боль моих тревог.

И чашу всех кровавых мук, поверьте, можно претерпеть,
Когда в беде есть верный друг, который бы тебе помог.

Подобен перстню небосвод, а звезды - камешки на нем,
И в каждой тебя гибель ждет - в них яд тебе он приберег.

Сей мир печалью сокрушен: в ночи рыдая над тобой,
Все поднебесье тьмою он - завесой скорби обволок.

О, мир лукав, его щедрот своим желаниям не жди,
Он лишь на миг тебе сверкнет - увы, лишь на недолгий срок.

Не сыщешь верности, пойми, средь человеческих сынов,
Не думай, что дружа с людьми, ты не познаешь сей порок.

Вот и остра, и ладна речь, а тонкий смысл ее - во вред:
Людей к себе в друзья завлечь не помогает острый слог.

О виночерпий, дай вина, вся плоть моя горит от ран, -
Огнем да гущею со дна мои ты раны бы прижиг!

Не диво, что беседный круг столь тешат песни Навои:
Его надсадных стонов звук то густ и низок, то высок.

(перевод С. Иванова)

* * *

Всех горных кряжей тяжелей любви лихая кладь:
Дано великой мощью ей и Каф-гору попрать.

Дракон - и тот в степях любви подвластен муравью,
Хотя по силе муравьи драконам не под стать.

В любви сжигают пламена и черствые сердца, -
Так пикам молний мощь дана и кряжи гор пронзать.

Святоша, чужд тебе недуг сгорающих в любви, -
Пугать их жаром адских мук - напрасно слов не трать.

Незримо души жертв своих пронзает меч любви, -
Таит его от глаз людских ресниц лихая рать.

О ты, кого стократ гнетет любовь поклажей мук,
Безропотно всю боль невзгод прими как благодать.

О Навои, не суесловь - жизнь за любовь отдай,
А понапрасну про любовь не надобно болтать.

(перевод С. Иванова)

- СОВЕРШЕНСТВА СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА -

В огонь — зеленый кипарис! Любимая стройней была!
Брось розу ветру — та лицом румяней и нежней была!

О вздох мой! Ветром ледяным разлуки гору обдувай,
Чтоб, за ночь выветрена вся, степных равнин ровней была.

В разлуке с пери, что ни миг, мое безумие растет,
Но роковая страсть моя безумьем и при ней была.

О шейх, ведь рубище твое кабатчик не возьмет в заклад,
Но алчность он бы взял твою,— она б ему годней была.

Твое спасенье — встреча с ней, к чему же скорбь о нищете!

Добра не будь— не знать бы зла: цель жизни бы видней была!

Прослыл Меджнуном Навои, но к пери страстью воспылать —
Безумцев участь: их любовь смешной с начала дней была!

(перевод Л. Пеньковского)

* * *

Когда в тоске заговорю о горе гибельном и злом,
То даже камень задрожит, скорбя о бедствии моем.

Сквозь ночь тоски я сердце нес, и путь мой озаряла ты;
Светила мне твоя стрела своим железным острием.

Прекрасна ты, и потому моей любви предела нет!
Для беспредельного слова найду ль на языке своем?

Заколыхался призрак твой в пустыне сердца моего,—
Пустыня вся раскалена страданья тягостным лучом.

О том, что путь в любви един, не говори, о мудрый шейх!
Есть много у любви путей,— преданий много есть о том.

Хоть кровь течет из глаз твоих, не умирай, о Навои!
Ведь милосердья на земле неисчерпаем водоем.

(перевод Н. Лебедева)

* * *

Всегда он в обуви грубой, с небрежной чалмой,— грубиян.
До смерти обидит друга приятель мой, грубиян.

Его сдержать я стараюсь, но кто ни подступит к нему,
Ответит дерзостью грубой, обидой прямой грубиян.

И странно ль, что конь ретивый под стать хозяину дик,
Когда гарцует иль мчится галопом домой грубиян?

Он каждый миг помышляет до смерти меня извести.
Что ж, пусть тогда с ним сдружится такой же злой грубиян!

В саду, во время попойки, буянил приятель мой.
О ветер, не дуй так резко: сморен дремой грубиян.

Налей кабатчику, кравчий,— в похмелье он зол и груб,

Скажи ему: «Злую душу вином промой, грубиян!»

Нет, при любой неудаче грубым не будь, Навои.
И за сто удач не стоит быть грубым, как твой грубиян!

(перевод С. Иванова)

* * *

Занемог я, покинут моей чаровницей, увы.
Для души стало тело лишь ветхой темницей, увы.

Мрак разлуки с любимой и родинкой темной ее —
Вот пятно на ланитах судьбы мрачнолицей, увы.

И предвестницей горя любви моей злая звезда
В гороскопе предстала блаженства денницей, увы.

Посмотри: старец-разум, наставник заботливый мой,
Стал игрушкой детской, смирясь пред шутницей, увы.

Словно призрак, блуждаю в пустыне безумий моих,
Скорбен дух. Дни унылой бегут вереницей, увы.

Тело странствует ныне по улице райской твоей.
Много ль бедному нужно? Я сыт и крупницей, увы.

Сердце взято любовью, все отнято: разум, покой,
Все разрушено шаха жестокой десницей, увы.

Пламя ада — неверным, а верным — забвения прах:
Те восстали, а этих рок смял колесницей, увы.

Расставание — смерть, смерть — разлука навек,
Навои! А мечту о бессмертье считай небылицей, увы!

(перевод В. Звягинцевой)

* * *

Странно мне: без нее ста печалей тщета предо мной.
Но куда ни взгляну — все ее красота предо мной.

Стоит лишь на мгновенье расстаться мне с пери моей,
Смертной ночи уже темнота разлита предо мной.

Как бы ни были ночи разлуки темны,— я стерплю.

Только б знать: не навек эта дверь заперта предо мной.

Жизнь отдав, я хотел бы хоть раз к тем рубинам припасть...
Как мираж неотступный — всегда те уста предо мной.

Я не знаю — виденье ли это рубиновых уст,
Иль кровавые слезы, как розы с куста, предо мной.

«Навои,— ты сказала,— достигнув свиданья — умрешь».
Пусть умру, но открыты надежды врата предо мной.

(перевод В. Звягинцевой)

* * *

Отраду приносит роза в тенистом саду времен,
Ее лепестки — как пламя, которым весь куст сожжен.

Гляди, какое богатство в раскраске и завитках.
Не этой ли, самой яркой, навек соловей сражен?

Но лучше не пить из кубка пьянящей мечты шербет:
Добавит злой яд разлуки к блаженству свиданья он.

Когда рассыпает небо цветенье летящих звезд,
Всегда человек пылает, душою к ним вознесен.

Хотя от меча насилья невинно погиб Фархад,
Впоследствии той же сталью ведь был и Парвиз сражен.

Иди же с тоскою в сердце дорогой небытия,—
Свернуть с нее невозможно — таков уж судьбы закон.

Встречая зарю свиданья, предчувствуй и в ней печаль,—
Ведь мускусом и алоэ разлуки час напоен.

О соловей, если ночью не встанешь ты с Навои,
Тебе не увидеть розы — зардевшийся небосклон.

(перевод Вс. Рождественского)

* * *

Кто дорог — мной не дорожит, меня несчастным сделал.
Ненужный мне — за мной бежит, мой дух бесстрастным сделал.

Нет прока от меня тому, кто от меня ждет прока.

Нет прока тем, кого искал, порыв напрасным сделал.

О, что мне делать на пиру среди прекрасных пери,
Покуда не придет она, уста соблазном сделал!

Луна иль солнце?.. Все равно! Но только б красотою
Не погубила, над собой тебя невластным сделал!

Молю тебя — не торопись к другим сердцам, убийца,
Мое оставив в стороне и непричастным сделал!

Не поддавайся на обман, о сердце, чтоб на шее
Не затянулась нить петли, тебя безгласным сделал!

Когда тебя, о Навои, она коснется взглядом,
Пускай подсыплет бармалы, взгляд безопасным сделал.

(перевод Ю. Нейман)

* * *

Сердце, столь злое со мной, добрым с другим оказалось,
Горечь обмана душе — горше, чем дым, оказалась.

Знаю, откуда взялись черные пятна на теле:
Это — печати разлук. Я — нелюбим, оказалось.

В сердце разбитом моем птицы обиды гнездятся.
Столько отравленных стрел!.. Яд — нестерпим, оказалось.

Сердце разбил ей другой. Плачу, а ей безразлично —
Воду ль приносят иль бьют злобно кувшин, оказалось.

В черной пустыне обид плачет Меджнун и томится,
Горе свое оседлав... Он — пилигрим, оказалось.

Мысли мои, как в степи, в сердце пустынном осели,
След, что остался, он был следом твоим, оказалось.

Смута жестоких времен в сердце посеяла смуту,
Время — причина тоски — трудным, дурным оказалось.

Пусть нехорош я, зато знаю свои недостатки.
Тот, кто доволен собой, — неисправим, оказалось.

Золотом, о Навои, стих твой начертан сегодня:
Шах — наш ценитель! — его счел дорогим, оказалось.

(перевод Ю. Нейман)

* * *

Почему на лик прекрасный складка гневная легла?
Иль сияющее солнце затянула ночи мгла?

О свидании услышав, бьется сердце у меня,
Но не думай, что разлука тишину ему дала.

Я твои рубины-губы выпустил из губ своих
Так, как выпускают душу, если смерть за ней пришла.

Гибну я, когда ты тонкий опоясываешь стан,—
Да, судьба такую стройность мне на гибель создала!

Пусть меня ее собака растерзает на куски,
Лишь бы мимо окон милой кость мою проволокла.

Виночерпий, дай мне чашу, потому что грустен я:
Чаша исцелит мне душу, чаше — вечная хвала!

Клочья порванного сердца Навои с трудом собрал,—
Ты на сто клочков, шалунья, вновь его разорвала.

(перевод Вс. Рождественского)

* * *

Если нам сердце и разум одело туманом безумие —
Даже Меджнуна сдастся вершиной ума нам безумие.

Желтый тюльпан обагрился слезою моей, розощекая!
Думать, что пурпур заменится в розе шафраном,— безумие!

Солнечный день, омраченный моими тягучими вздохами,
Сделало зимнею полночью с лютым бураном безумие.

Как я боюсь, что навеки в степи без дорог затеряется
Бедное сердце... Его унесло ураганом безумие.

Дай мне душистую прядь и в награду возьми мою голову!
Век не расстанется с нежным своим талисманом безумие.

Жалок спесивый богач, презирающий муки влюбленного:
Думать, что можно за все уплатить чистоганом,— безумие.

Как ты рыдал по ночам, Навои, у порога возлюбленной!
Стоны твои уподоблены выкрикам пьяным, безумие.

(перевод В. Потаповой)

* * *

О друзья, явите милость! Грудь в куски разбейте мне!
Ужаснитесь тем мученьям, что сокрыты там, на дне!

Если черный лик найдете,— вместе с сердцем рвите вон!
Чтоб душа спаслась от муки, да горят они в огне!

Нет ее?! Зашейте раны! Но кинжалом вскройте вновь,
Если легкий шаг любимой вдруг раздастся в тишине.

Если я умру,— просите, чтобы стала в головах,
Ниц падите, умоляйте — с жалким нищим наравне!

Если даст она согласие, не спешите сообщать,
Чтоб не умер я вторично,— не по вашей ли вине?

Если встанет в изголовье, мертвый, я начну рыдать.
Не мешайте вздохам пери, пребывая в стороне!

Если ж это — невозможно, то больного Навои,
На руках иль взяв под мышки, волоките к майхане!

(перевод Ю. Нейман)

* * *

Прилетел из сада ветер — аромата не принес.
Весь исколотый шипами, позабыл я запах роз.

Вспоминая уст рубины, воду скорби, морщась, пью.
О аллах, как успокоить кровь? Сдержат потоки слез?

Проглотил я столько скорби, так темна разлуки ночь,
Что казалось — в небе солнце в этот день не поднялось.

Плакал я под гнетом горя, думал: скоро ли конец?
Если б ты не появилась, умереть бы мне пришлось.

Ты свиданье подарила — и забилося сердце вновь.
О, пойми, что я не в силах больше жить с тобою врозь!

Соловей от гнева розы стал бескрыл и безголос,
Но цветет, как прежде, роза и не стала жертвой гроз...

Навои, запомни — редко дружит верность с красотой,
Но пленяет взор и сердце воплощенье страстных грез.

(перевод П. Железнова)

* * *

Кругом враги, теперь найти мне друга нет надежды,
Не дай, аллах, чтоб даже враг терял бы след надежды.

Я в этой западне отстал от недругов и друга.
Я верю в друга своего и верю в бред надежды.

В водоворот я бед попал, где, говорят, есть страхи,
Но нет и признаков совсем любых побед надежды.

Душой я жертвовал, но нет надежды на свиданье,
А жизни жаждущим от губ — одни в ответ надежды.

О, кравчий, так печален я, что радость невозможна,
Не вижу на веселье я уж сколько лет надежды.

Что верности от друга я не жду — не осуждайте,
Мудрец уверен: жизнь не даст такой обет надежды.

Нет близости и нет надежд! Как не расстаться с жизнью,
О Навои, коль я б имел ее и свет надежды!

(перевод А. Иванова)

* * *

Друзьям, наперсникам случайным своих не поверяйте тайн,
Сто бед над головой развеяв, чужим не доверяйте тайн.

Не выдавайте тайну, ибо того, что вы не сберегли,
Другой сберечь не в силах тоже. Итак, не выдавайте тайн.

Фальшиво сердце, а язык наш — он сплетни разносит горазд!
Так из душевного гарема своих не выпускайте тайн.

Коль сердце и язык не стали наперсниками, — лишний труд
Твердить: «Теперь — ни слова людям!» Своих не разглашайте тайн!

Не испускайте тучи вздохов и не катите слез рекой:
Вотще не рассыпайте жемчуг — и нить не разрывайте тайн!

И, раскромсав язык болтливый, и сердце вдребезги разбив,
И требуху швырнув собакам, вовек не раздавайте тайн!

Как исстрадался я в разлуке: во всяком случае, друзья,
Вы не усердствуйте, а пейте — в вине не исчерпайте тайн!

И коль любви благую тайну сберечь не смог ваш Навои,
То и его прозвание тоже вы в свитке начертайте тайн!

(перевод А. Голембы)

* * *

Красотой твоей, как солнцем, свято дорожит народ.
Как пылинки в свете солнца, вокруг тебя кружит народ.

Так жестоко я ославлен, что, куда ни покажусь:
«Вот пришел безумец жалкий!» — хохоча, кричит народ.

Если б только ты предстала в полном блеске красоты,
Был бы, верно, с лика мира, как волною, смыт народ.

Видя пламя ада, люди в рай его перенесли,
Как же тайного сиянья до сих пор не зрит народ?!

От разлуки, от несчастий стал я с бледной тенью схож,
Удивляться ль, что смущает мой убогий вид народ?!

Меч любви глазам не виден, если же его извлечь,—
Он пронзит меня, и, воя, в страхе побежит народ.

Нет числа разящим стрелам, что печалью рождены,
Больше их, чем тех, какие в тайниках хранит народ.

Если в мире все решает пустота глухих небес,
То спешит уйти от смуты, от глухих обид народ.

Если преданность народу выражает Навои,
Преданность свою поэту про себя таит народ.

(перевод Ю. Нейман)

* * *

Только солнце помянув, лик твой описать возможно.
О живой воде сказав, губ рубин познать возможно.

Говорят: «Походка, стан — жизни свет в саду телесном».
Лишь от зависти к тебе так их принижать возможно.

Лик твой в зеркале узрев, солнца луч в струе Ковсара
Полон зависти: ему ль блеск твой перенять возможно?

Цель потока — учинять, как и ты, опустошенье.
Твоего коня догнать — тучам ли мечтать возможно?

Раны, что нанес Фархад толще скал киркой,— ничтожны,
Так израненной душе ль их не пожелать возможно!

На страданья обрекло небо всякую песчинку.
Что, помимо злых обид, от него нам ждать возможно?

Навои, ее слова о неверности — жестоки.
Чтоб помянутою быть, ей и лживой стать возможно...

(перевод Г. Ярославцева)

* * *

Меджнунам пылким каждый миг даря забвение иное,
Лишь мне, безумному, она несет мучение иное.

Не видя друга, я умру; друг — жив и в радости свиданья.
Я — не Фархад, у нас в любви и поведение иное.

Она приветом на пиру всех воздыхателей одарит.
Ко мне, злосчастному, увы, и отношение иное.

Меня с собою не равняй, о соловей, любовь поющий:
Стенанье, вопль души — одно, а трель и пение — иное.

«Мир — бранный, в нем безгрешен я»,— толкует шейх нам, лицемера,
Но духовник о чувствах нам дал наставление иное.

Пусть пьют, кому судьбой дано, нектар любовного свиданья,
А нам лишь яд разлуки пить, судьбы решение иное.

Ты гонишь сердце Навои, а с ним самим ты как поступишь?
Свободна — птица! Для раба освобождение — иное...

(перевод Г. Ярославцева)

* * *

Друзей, что нас утешат в горе, зря не ищите, нет.
Готовых нас обидеть — море, быть на защите — нет!

Душа послушной нитью вьется вокруг твоей стрелы.
И кровь из раны сердца льется. Зашить — так нити нет.

Не говори: «О ней безвольно ты в горе слез не лей».
Ведь и безвольному мне больно, что в сердце прыти нет.

Пусть веет на меня дыхание любимой — тщетно все:
Опоры этому дыханью в душе, как в сите, нет.

Скажи я, что любовью пери не дорожу, — не верь:
К речам безумца и доверья — уж не взыщите! — нет.

Когда пустые разговоры тебе претят — уйди.
Все суета, все споры, ссоры... От них укрыться нет.

Среди бездумного веселья будь трезвым, Навои.
Иного, кроме как похмелья, в пиру не ждите, нет.

(перевод Г. Ярославцева)

* * *

Тебя увидя в цветнике, смутясь, затрепетала роза.
Роняя лепестки в тоске, от зависти увяла роза.

И, покрасневшись от вина, разлукой злой опьянена,
Как сердце красное, сама от крови стала алой роза.

В стране священной красоты, шахиня, всех прекрасней ты,
И все сады, и все цветы взяла ты под начало, роза.

Когда гуляешь ты в саду, чтоб оградить тебя от зла,
Все розы встанут, как щиты, шипы их словно жало, роза.

Пурпурных уст блаженный зной меня влечет к тебе одной.
Когда ты на пиру со мной, я пью, и сердцу мало, роза.

Пой днем и ночью, соловей, в честь гостыи утренней моей,
Знай, быстротечна смена дней, летят, и жизнь промчалась, роза.

Когда все розы расцвели, в дорогу вышел Навои,
Но для души его теперь разлука раной стала, роза.

(перевод Т. Стрешневой)

* * *

В разлуке телом я ослаб, сгораю сам не свой.
Не только телом слабну я, живу с душой больной.

Убить решила ты меня, рази своим мечом,
Смешаю с ветром кровь мою и с влагой дождевой.

Огонь разлуки сжег меня, я отсвет тех лучей,
И стоны жаркие мои, как пламень вихревой.

Не прогоняй меня — я пес, хранящий твой порог,
Не удивляйся, что не смог расстаться я с тобой.

Я грудь раскрою, чтобы дать тебе в душе приют.
Увидев тайный мой недуг, проникнись добротой.

Не пощадили бы меня ни время, ни судьба,
Когда б не винный погребок, где я обрел покой.

Похороните Навои на улице любви,
Успокоенье он найдет под каменной плитой.

(перевод Т. Стрешневой)

* * *

Пери, сжался надо мною, я страданием объят,
Так несчастного Медждуна муки страстные томят.

Стрелы грудь мою пронзили, и от слез померк мой свет,
Словно дым тяжелый, вздохи небо ясное темнят.

Грудь на сто частей разбита; друг, взгляни, изранен я,
Не найти мне исцеленья, раны смертные болят.

Счастье позднего свиданья не могу я перенести,
Даже если издалека на нее я брошу взгляд.

Гору горя растопили вздохи жаркие мои,
Камни сделались водою и в меня не полетят.

Не обманывайся мнимой безмятежностью небес:
Небо — хитрый лжесвидетель, предающий всех подряд.

Я сходил с ума в пустыне, как несчастный Навои,
Ведь красавицы, в гордыне, разум мне не возвратят.

(перевод Т. Стрешневой)

* * *

Связь с городами я порвал, от шума их я отказался,
И от богатства двух миров, от благ мирских я отказался.

Но сто несчастий на себя я принял, плача и скорбя,
От жизни отвернулся я, и от святых я отказался.

К чему богатство, города, душа и все, чем жизнь горда?
Когда б желанья я имел, тогда б от них я отказался.

Я б Искандаром стать не смог, бессмертьем Хызра пренебрег,
На что мне вечной жизни срок? Аллах велик — я отказался!

Но от красавицы одной, такой насмешливой и злой,
Хоть это мне грозит бедой, я ни на миг не отказался.

Мой проповедник, ты давно нам хвалишь райское вино.
Я слаб, но взять большой бокал из рук твоих я отказался.

Ты кровью плачешь, Навои, но, чтоб достичь своей любви,
Идя по собственной крови, от мук таких не отказался.

(перевод Т. Стрешневой)

* * *

Я тыщу раз горел огнем — из тысячи один.
Не смел я говорить о том — из тысячи один.

Не ужасайся, увидав ожога грубый след —
Зловещим проступил рубцом — из тысячи один.

Не говори: от всех таи сто тысяч бед своих —
Скрыв, я забудусь вечным сном — из тысячи один.

Разлука сердце мне дробит на тысячу кусков,
Я слаб, но силы нет ни в ком из тысяч, кто один.

Я тыщу раз моим друзьям мог верность доказать,
Я плох, но не знаком с добром из тысяч ни один.

Искал среди тысячи друзей ты верность, Навои,
Но был ли верен хоть в одном из тысячи один?

(перевод Т. Стрешневой)

* * *

О розе нежной и живой я и мечтать не смел,
Не удивляйся, разум мой в ее огне сгорел.

В мои померкшие зрачки ударила стрела,
Их сделал целью кипарис для беспощадных стрел.

Сияешь, словно роза, ты, стройней, чем кипарис,—
Два совершенства я в тебе соединить хотел.

Когда не вижу я в саду прекрасный облик твой,
В смятенье шепчутся цветы, что сад мой опустел.

Я кипариса стройный стан и розы лик искал,
Я счастлив был, что на тебя хоть издали глядел.

Друг, омовенье соверши, в питейный дом идя,
Но прежде нужно, чтобы ты забыть ислам сумел.

О Навои, в мирских садах есть множество цветов,
Но не найти тебе цветка, чтоб страсть преодолел.

(перевод Т. Стрешневой)

* * *

Не удивляйся, если я на прочих не похож.
Ведь и такой, как ты, второй на свете не найдешь.

У изголовья моего поклонники твои,
Как будто бы болезнь мою иною назовешь.

Волненье в мире, будто я беспечен или пьян.
Небрежно повязал чалму, халат мой не хорош.

От стрел прямых твоих ресниц огонь мой стал иным,
Так розу освежает вдруг росы прохладной дрожь.

Я переменчив, как луна, от прихотей твоих,
Слежу за тем, что говоришь, за тем, как ты идешь...

О виночерпий, другом будь — пусти меня на пир,
Мгновенно выпью я вино, что ты мне поднесешь.

Гляди, запуталась душа в ее густых кудрях,
Не знал я, что тугую сеть вовек не разовьешь.

Как быстро зазнается тот, кто в милости сейчас,
Но разве человеком ты пролазу назовешь?

Знай, Навои, что мир — цветник, где розы расцвели,—
Иди, но помни о шипах, разящих, словно нож.

(перевод Т. Стрешневой)

* * *

С кипарисом тонкостанным я не пил вина вдвоем.
Рок внимал моим молениям в равнодушии глухом.

Много выпил я в разлуке, чтоб забвение найти,—
Ядом скорби обернулась чаша с искристым вином.

Долгий день, почти до ночи, без любимой я провел.
Этой ночью не дождусь я, чтобы мрак сменился днем...

Друг, ответь, где может сердце успокоиться мое.
Если даже возле милой нет покоя мне ни в чем?

Ветерок мой, юной розе о разлуке расскажи,
Отнеси ей, ветер, душу, истомленную огнем.

Ведь языческой печалью, как безверьем, полон я,
И с моим исламом правоверным я вовеки не знаком.

Навои, внемли совету — если утром пьешь вино,
То росу рассветной розы не считай своим питьем.

(перевод Т. Стрешневой)

* * *

На дивном лике от вина вдруг розы замерцали, -
То завязь роз в росе видна иль отблеск роз в зеркале?

Когда в зеркало глянешь ты и лик свой в нем увидишь,
То - словно бы на гладь воды все блики солнца пали.

В дремоте взор твой колдовской таит все смуты мира,
Очнешься - и весь мир мирской погиб не навсегда ли!

Пунцовый блеск твоих ланит сокроет всех красавиц:
Пылинки, если свет слепит, когда ж видны бывали?

Я, луноликою забыт, навек покину грады:
В пустыню путь тому лежит, кто жизнь влачит в опале.

Вся жизнь печалью полна, им в мире не иссякнуть, -
Дай, виночерпий, мне вина, чтобы забыть печали.

Будь отрешен, как Навои, взыскуя единения, -
Все прежние дела твои - не зряшная тщета ли!

(перевод А. Иванова)

* * *

В небесах - голубизна, рдеет в облаках просвет -
Цвет багряного вина, голубого кубка цвет.

Раз небес круговорот нам одним лишь беды шлет,
Чаша мерой с небосвод - нам спасение от бед.

Если мысль твоя, темна, спит и днем во мраке сна,
Выпей алого вина - даже ночью вспыхнет свет.

Позабудем в ложный час мы - людей, а люди - нас,
А испей вина хоть раз - и забвенья нет как нет.

О советчик, жизнь уйдет - значит пить пришел черед:
Кто велит не пить нам, тот бесполезный дал совет.

О святоша из святош! Если единенья ждешь,
Все желанья уничтожь, и тогда лишь ты - аскет.

Навои, рассвет багрян - хмель вкушай, что цветом рдян:
Кем же еще будет дан небесам багряный цвет!

(перевод А. Иванова)

* * *

Слов о любви ввек не изречь дал сам себе зарок я:
От них уберегу и речь, и письменный мой слог я.

Не очаруюсь, слеп и нем, истомными очами,
И видеть лик, желанный всем, мечтою пренебрег я.

Безверию любви не смочь осилить мою веру:
Из сердца идол изгнан прочь - храню души чертог я.

Не ведать бы мне в час ночной хмельных утех с любимой,
Чтоб поутру в тоске хмельной не стал бы одинок я.

И если не стерплю я впредь, зарок любви нарушу -
Насколько хватит сил терпеть, сокрою тот порок я.

О шейх! Любви, как и вину, один исход - разлука, -
В моем зароке не сверну вовек с благих дорог я.

О шах! Смири свой грозный нрав, не жги людские души,
Страшись - мол, как бы, в ад попав, в огне тебя не сжег я.

Зарок, о Навои, упрям: в нем тоже сила долга,
Лишь долга моего друзьям нарушить бы не смог я.

(перевод А. Иванова)

* * *

Мир потому-то и жесток, и прочен в нем порок,
Что он любовью пренебрег и в верности не строг.

И если верности в нем нет, то нет и дива в том:
Незыблемы устои бед - всех мук людских исток.

Кто речь по разуму ведет, тот благо обретет:
Все зрелое для всех доход - равно и плод, и слог.

Все, что извело расцвет, к ничтожеству придет:
Путь шейхов одряхлевших лет к ребячеству пролеет.

Людей порочит грубый нрав, марают их тщетой,
Красивый тоже, грубым став, от красоты далек.

Глупец сокровище найдет и сгубит все зазря, -
Так до трухи истреплет кот и дорогой клубок.

О Навои, ты бы пресек общение с людьми:

Одно - достойный человек, другое - дурачок!

(перевод А. Иванова)

* * *

Не со мною юный мой цветок в тьме чужого сада в эту ночь,
До утра стонал я, одинокий, жгла меня досада в эту ночь.

Сто разящих пламенем долин встретили меня в степи разлук,
И, в огонь гоним, я был один среди клубов смрада в эту ночь.

Не пытай меня - мол, что за гнет в сердце обезумевшем моем, -
Муками меня оно убьет - жизнь мне горше яда в эту ночь.

Звезды в помраченных небесах завели со мною разговор, -
Все, о чем мы говорили, - страх нашего разлада в эту ночь.

Если и в сто солнц блеснет рассвет, не пробить ему кромешной тьмы:
Скорбь моя окутала весь свет пеленою чада в эту ночь.

Что ни миг, я, скорбью одержим, меч смертельных мук в себя вонзал,
Будет ли мучениям моим хоть к утру преграда в эту ночь?

Кличу смерть я: "Милостивой будь, жертва я твоя, избавь от мук,
Все равно мне смерти не минуть - не придет пощада в эту ночь!"

И да будет навсегда забыт блеск рассвета брезжущего дня, -
Судный день зарей да заблестит: я в предверье ада в эту ночь.

Навои, весь гнет лихих скорбей - все, что может мысль собой объять,
Для погибели души моей слать мне небо радо в эту ночь.

(перевод А. Иванова)

* * *

Мне любимой бы дожидаться - я стою, смятенно жду,
Люди - те вблизи теснятся, я - вдали - не на виду.

Та шалунья озорная привечает всех стократ,
Я же, сир, томлюсь, стаяя, за бедой терплю беду.

Люди бежит за ней, собирая прах с пути ее коня,
Прахом лоб свой посыпая, я один вдали бреду.

Для иных, как светоч счастья, рдеет жаром лик ее,

Мое сердце в пламя страсти мотыльком летит в бреду.

Любо в пиршественном круге ей с друзьями ликовать,
Мне ж стенать в моей лачуге жребий выпал на роду.

Раз уж горький хмель разлуки мне свиданья не сулит,
Я, страшась смертельной муки, в винный погребок пойду.

Нужно ль алый хмель в фиалах пить с любимой, Навои?
Лучше уст коснуться алых, жизнь вручая их суду.

(перевод А. Иванова)

- ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ СТАРОСТИ -

Она ушла, покинув пир, и села на коня, хмельна,
А я ей чашу протянул, с мольбой держась за стремяна.

Нет, мне ее не удержать, но я бы в жертву жизнь принес
За то, чтоб кем-нибудь на пир она была возвращена.

Торопит всадница коня — и сердце падает в груди,
Мечом обиды ранен я, жестоко грудь уязвлена.

Зачем не насмерть я сражен? Не легче ль муки мне пресечь.
Чем торопить в обратный путь и гнать сквозь темень скакуна?

А без нее шумливый пир печален, горек и уныл,
Нарушен сердца сладкий сон, душа покоя лишена.

От века так заведено: кто выпьет радости бокал,
Сто кубков горечи тому судьба велит испить до дна.

Я в одиночестве умру. Не странно ль — преданность моя
Ответной верностью в любви ни разу не награждена!

Когда белеет голова, с уединением смиришь,
Ведь не украсят звонкий пир ни грусть твоя, ни седина!

Неверную не возвратишь. К чему ж терзаться, Навои?
Смотри: ты бледен, стан дрожит, душа печалью смущена.

(перевод С. Иванова)

* * *

В мой дом, разгорячась, вбежала с вечернею звездой она,
Испариной омыла розы, как розовой водой, она.

Ресниц разбойничьих кинжалы — похитчики моей души,
Прядь амбровым жгутом спустила на стан свой молодой она.

Приют мой темный озаряет солнцеподобный лик ее.
Я на свету дрожу пылинкой,— не луч ли золотой она?

Взяв за руку меня, смеется, сажает около себя.
Пересыпает слов алмазы, сверкая красотой, она.

И говорит: «Печальный друг мой, как поживаешь без меня?»
Что я отвечу ей? Сковала язык мой немотой она.

Кувшин с вином она открыла и кубок полный налила,
Пригубив, молвила с упреком, с лукавой прямою она:

«Скажи, Меджнун, не сновиденье ль, что разума лишился ты?
Испей вина, открой мне душу, какой живет мечтой она?»

Я выпил, потерял сознание, к ногам возлюбленной припал,—
Не хмель сразил меня — сразила своею добротой она.

Тому, кто в снящемся свиданье, как Навои, блаженство знал,—
Не спать до воскресенья мертвых: сон сделала бедой она.

(перевод В. Звягинцевой)

* * *

Только ты взяла с улыбкой пиалу из рук людей,
Как порвались от рыданья связки всех моих костей.

Гурия к тебе явилась спор вести о красоте,
Но и та, тебя увидев, удалилась поскорей.

Стала ночь моей разлуки мне опасностью грозить,
Потемнела, словно нежный гиацинт твоих кудрей.

Сердце гибнет от удара взором пущенной стрелы,—
Словно зверя на охоте, ты разишь стрелой своей.

Я несчастен: у любимой состраданья нет ко мне,—
Эти слезы и рыданья не тревожат сердце ей.

Что такое сад свиданья, ты не спрашивай меня:

В мире горестной разлуки, как в тюрьме, я много дней.

Как беспечен тот, кто скачет, выпустив узду из рук!
Упадет он без дыханья, погружен в мечты о ней!

Тот свободен от печали, кто бежит толпы людской,
Но оставшемуся с нею в мире жить еще грустней.

Каждый миг твои собаки прогоняют Навои,
Но обманом он в их свору возвращается скорей.

(перевод Вс. Рождественского)

* * *

Здоровым меня оставить не захотела любовь,
Во прах обратив, пустила по ветру тело любовь.

В разлуке при мне остались отчаянье и болезнь,
А душу солью страданья вконец изъела любовь.

Грозящее миру пламя гудело в моей груди,
Там ярким огнем горела, не искрой тлела любовь.

Но люди, теряя душу, прийти умоляют смерть,
И палачей луноликих пускает в дело любовь.

Жестокости обучила Ширин и Лейл и она,
Меджнун и Фархад счастливцы, лишь мной владела любовь.

Разлука, тоска, безумье — убийцы, но в этот мир
Прийти и разить несчастных им всем велела любовь.

Однако за благочестье я близости не отдам,
Не дам, чтоб в могиле тесной средь роз истлела любовь...

О Навои, будь счастлив, что ты еще жив и любишь,
Страданьями награждает и сверх предела любовь.

(перевод А. Сендыка)

* * *

Я желтухой болен, кравчий. Весь в осеннем цвете яром,
Где ж вино, что охмеляет винограда желтым даром?

И лицо мое, и тело — листья желтые на ветке.

Пожелтели — кто ж излечит их целительным отваром!

И в очах зрачки с белками стали желты, как тюльпаны.
Что за хворь? Той розоликой жечь меня дано пожаром!

Говорят, очам полезно видеть желтое — ах, где же
Кипарис в одеждах розы, что пылает желтым жаром?

Желтоперой птицей ночи стал среди полдневной стаи
Пожелтелый день разлуки, что сражен судьбы ударом.

Если ж не больным желтухой ночь и утро, отчего же
Ночь распушит кудри, солнце лик свой рвет — в рыданье яром?

Желтизну больного тела Навои скрыл в прахе скорби —
Так вот нищий в землю прячет золото в кувшине старом!

(перевод С. Шервинского)

* * *

Улыбки всем расточая, мне ты не улыбнулась,
Встретив мой взор, печалью одетый, не улыбнулась.

В жажде твоих рубинов подобен я стал шафрану,
Но ты и при виде этой приметы не улыбнулась.

Молил я: «Скажи хоть слово», но знаком ты приказала
Мне умереть и, слыша обеты, не улыбнулась.

Не зная счастья слияний, себя ты отдать не можешь,
Я не дивлюсь, что при этой беде ты не улыбнулась.

Послушай, Меджнун с Фархадом были лишь стружкой дыма.
Я — пламя, но ты б и вспышке кометы не улыбнулась.

Улыбка подобна солнцу, солнцу светить пристало,
Жаль, что ты на такие советы не улыбнулась.

О, Навои, от розы вдали соловей тоскует,
Может, она и песням, что спеты, не улыбнулась.

(перевод А. Сендыка)

* * *

От неверной сто горьких бед довелось увидеть мне.

Кто ж знал верность, чтоб счастья свет довелось увидеть мне?

Кто познал от сынов времен долю верности и добра,
Чтобы преданности обет довелось увидеть мне?

Словно пса, прогони, о друг, сердце взбалмошное мое:
От беспутного только вред довелось увидеть мне!

Что мне добрый привет друзей? В сердце — тишь и блаженный мир,
Если гнет от ее клевет довелось увидеть мне!

А красавиц увижу я — и трепещет надеждой взор:
Где жасмин мой? Хотя бы след довелось увидеть мне!

Пусть и землю, и свод небес захлестнет рыданий потоп:
Злобу этих двух приверед довелось увидеть мне!

Серполунный увидишь лик — знай: тебя погубил не меч,—
Кару неба — страшнее нет! — довелось увидеть мне!

Я молитвенный коврик мой и хырку проносил до дыр,
Чтоб два мира сквозь их просвет довелось увидеть мне!

И не спрашивай, Навои, что изведал я от нее,
Сто невзгод друг за другом вслед довелось увидеть мне!

(перевод С. Иванова)

* * *

Злее, чем измены мрак, темнота бывает разве?
Светом дня озарена темень та бывает разве?

Искрой молний опалит всю вселенную разлука,—
В преисподней адских мук ей чета бывает разве?

Нюхать след ее собак — вот награда мне за верность!
Лучше золота сего красота бывает разве?

В день разлуки море бед с головой влюбленных топит,—
В ночь измены хоть роса пролита бывает разве?

Пятна крови, как цветы, на моем сожженном теле,—
В роще бедствий время цвести для куста бывает разве?

Черный проливень измен насмерть любящих сражает,—
Тьма небесного дождя так люта бывает разве?

Песней, льющейся навзрыд, Навои сжигает розы,—
У безгласных соловьев песня та бывает разве?

(перевод С Иванова)

* * *

Кипарис розоволикий, ты сказала — ты придешь!
Ночь провел я в муке дикой, сердце ждало — ты придешь.

Выходил ежеминутно, тела сдерживая дрожь,
И душа к устам невольно подступала: ты придешь!

Лик луны зажегся в небе, схож с тобою красотой.
Мне до лунного сиянья дела мало. Ты придешь!

Плакал я, дивя прохожих, на безумца был похож.
Веря и не веря пери, ждал устало,— ты придешь?

Эти слезы ты не вздумай в шутку сравнивать с водой.—
Эти слезы были схожи с кровью алой... Ты придешь?

Выходил тебе навстречу, преданный тебе одной.
Ждал тебя, покуда сердце подсказало: не придешь.

Навои, вином утешься, о неверной думать брось,
И печали скажет властно звон бокалов: не придешь!

(перевод П. Железнова)

* * *

Древний мир сей - что острог, не лови тщеты мгновенной:
Кто себя к утехам влек - стал рабом неволи пленной.

Тщетно не лелей мечты, чтоб сыскался вход заветный:
Ныне прочно заперты двери тайны сокровенной.

В прихотях людским сынам пользы нет без воздержанья,
Может, будет, только нам нрав дарован не смиренный.

Чужд мне сутью ледяной храм святош - ханжей притворных,
Лучше класть поклон земной пред огнем в молельне бренной.

Если пить пришел черед, пусть нальет нам виночерпий, -
И без звона струй сойдет барабан обыкновенный.

Если нам не верен дом, осененный правой верой,
К иноверцам мы пойдем на другой конец вселенной.

Жизнь уходит день за днем, будь же добрым и веселым,
Чтобы не жалеть потом об утрате незабвенной.

(перевод А. Иванова)

* * *

Без любимой вино - это яд и отравя:
Или горько оно, или солоно, право.

Подают мне совет - жизнь сложить пред неверной,
А во мне жизни нет, - рассудили бы здраво!

Мне б увидеть твой лик, да соперники злятся:
Нищий к травле привык - зла собачья орава.

И когда твоих уст хмель багряный коснется,
Словно розовый куст, сердце рдеет кроваво.

Я тобою сожжен - сердце дымом чернеет,
Стая черных ворон - мне и казнь, и расправа.

Друг мой, если ко мне прикоснется святоша,
След тот вымой в вине - его хватка лукава.

Навои грустно лег пред жестокой во прахе -
Отдохнуть от тревог беспокойного нрава.

(перевод А. Иванова)

* * *

Мир лукав, он схож с невестой, с ним не заводи бесед:
Как ни холь его, ни пестуй, к людям в нем участия нет.

Льнущий к миру беззаботен: ждет удачи, а она
К одному из многих сотен не придет и за сто лет.

Все вершит он хитрым ладом: залучит тебя в силки,
Думаешь - удача рядом, а глядишь - пропал и след.

В перстне солнца сгустки яда он готовит для людей:
Блеск его — как бы услада, но опасен тот шербет.

Ты оставь эту невесту, в этом мире ты - лишь гость:
Страннику при ней — не место, он - иным местам сосед.

Даже ежели вы двое меж собой недалеки,
Встречей с близкою мечтою ты не будешь обогрет.

Навои, свой дух очисти, с высшей сутью будь един,
Чтобы пут твоей корысти не осталось и примет.

(перевод А. Иванова)

* * *

Кто в долину единенья страстным помыслом влеком,
На коне всеотрешенья пусть он станет седоком.

Но тому не доведется в этот путь коня седлать,
Кто навек не заречется жить в толчении людском.

Должен странник в той дороге отрешиться от всего,
А иначе - без подмоги он в скитальчестве таком.

Милость Друга своей сенью озаряет этот путь,
И дороге к единенью как остаться чужаком!

Ни натугой, ни потугой воли рока не минуть:
Доброму не стать жадюгой, а жадюге - добряком.

Дай испить мне их фиала, кравчий, - душу мне взбодри
И, чтобы полегче стало, лей мне полным черпаком.

Но с минутным оживленьем не смирится Навои, -
Со всечасным обновленьем да пребудет он знаком!

(перевод А. Иванова)

Тарджибанд

О, почему с тобой я не дружу, вино?
Забота и беда гнетут меня давно...

На этот мир земной чем больше я гляжу,
Тем более мое сознание темно!

Хотел небесных тел природу я постичь,—

Не тайна для меня отныне ни одно.

Приход мой в мир земной, уход мой в мир иной,—
Вот этого понять, увы, не суждено.

Ни мудрость многих книг, ни вера в благодать
Загадку разгадать не могут все равно.

Дружить старался я со множеством людей:
В чем жизни цель — никем ответа не дано.

И врач лечил меня, и чудотворец-шейх,—
Неисцелим недуг неразрешимых «но».

И ты бессилён здесь, мой многомудрый пир!..
Все существо мое сомнения полно.

Мне стало тяжело влачить неверья груз,
Терпение мое вконец истощено.

Бегу в питейный дом, прошу вина — гляжу:
Разбитый черепок в руках своих держу!

(перевод Л. Пеньковского)

* * *

Я пью. Недуг любви меня скрутил опять.
Я снова меж гуляк, я меж кутил опять.

Мне пьяницы — друзья. Благочестивый пост
В позор и пьяный грех я обратил опять.

И стал кувшин с вином кумиром для меня,—
Мне душу блеск вина заморозил опять.

И, чтоб свободно пить, халат, и коврик мой,
И туфли, и тюрбан я заложил опять.

О ты, кого люблю, безумный мой кумир!
Всего меня огнем ты охватил опять.

И потому пришел сюда, в трущобы, я —
И душу кабачок мне обольстил опять.

Я понял: из любви лишь ненависть растёт,
Любовью и вином лишен я сил опять!

Любовью приведен в проклятый кабачок,
Молю налить вина в разбитый черепок.

(перевод Н. Лебедева)